

О датировке и начальных листах в тетради ПД 835

Рабочая тетрадь Пушкина ПД 835 (Вторая масонская) открывается пометой «22 мая» перед занимающим три страницы (л. 1–2) черновиком его письма к А. И. Казначееву, законченным, согласно поставленной под текстом цифре, «24» мая. На л. 8 об.—9 находится черновик второго письма к тому же лицу, написанный в начале (после 2-го) июня (XIII, 95).¹ Эти относящиеся к 1824 г. даты — первые две твердые и третья, не вызывающая сомнения, — были приняты пушкиноведами, готовившими Большое академическое Полное собрание сочинений, за верхнюю и нижнюю границы написания автографов, расположенных на промежуточных страницах (л. 2 об.—8), которые, как и вся тетрадь, заполнялись, по общему мнению, последовательно, «за небольшими очень явными исключениями» (С. М. Бонди).²

Соответственно датировались:³

Начало работы в тетради: 22 мая 1824 г.;⁴ май 1824 (*Лет. 1951*. С. 473).

¹ Ссылки на тексты А. С. Пушкина даются по Полному собранию сочинений в 16 томах ((М.; Л.), 1937–1949) с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской.

В статье используются следующие сокращения:

Лет. 1951 — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951.

Лет. 1991 — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991.

Лет. 1999 — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Изд. подгот. под рук. Н. А. Тарховой; Отв. ред. Я. Л. Левкович. М., 1999. Т. 1: 1799–1824 / Сост. М. А. Цявловский.

ПИМ XI — Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологич. наблюдений) // Пушкин: Исслед. и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 27–65.

Рукою П. 1935 — Рукою Пушкина: Несобр. и неопubl. тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935.

Рукою П. 1997 — Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. М., 1997. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: (В 19 т.). Т. 17 (доп.)).

² *Багдасарянц Я.* К истории текста «Египетских ночей» // Пушкин: Ст. и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 89; *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 157, 171; *Рукою П. 1935*. С. 493, сн. 2.

³ Датировки во втором томе Полного собрания сочинений А. С. Пушкина установлены Н. В. Измайловым, в *Лет. 1951* — М. А. Цявловским.

⁴ *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина. С. 157.

Набросок «Кто ты <   > не смей <?>», черновик (л. 1): 22 (?) мая (II, 1189; *Лет. 1951. С. 470*).

Черновики строф ХХІХ–ХХХІІІ третьей главы «Евгения Онегина» (л. 2–2 об., 3 об.–7 об.; основное место занимает письмо Татьяны — л. 4 об.–7) включены в общую датировку: «Февраль 8 ... Май 31. I–XXXI строфы и письмо Татьяны третьей главы *Евгения Онегина* (кроме XXV строфы)» (*Лет. 1951. С. 440*); «Третья глава начата 8 февраля 1824 г. и к июню 1824 г. написана до письма Татьяны включительно» (VI, 660; комментарий Б. В. Томашевского); подразумевается, естественно, что строфы, находящиеся в тетради ПД 835, были написаны в конце мая.⁵

«Цыганы», второй черновик стихов 43–62 и черновик стихов 63–75 (л. 3–3 об.): май 22 ... июнь 2 (?) (*Лет. 1951. С. 470*).

Черновик начальных стихов эпиграммы на Воронцова («Сказали раз царю, что наконец...») (л. 2 об.): конец мая (II, 1156); май 25 (?) ... 31 (?) (*Лет. 1951. С. 471*).

«Приют любви, он вечно полн...», черновик (л. 3, 6): конец мая — первая половина июня (II, 1189); май 25 ... июнь 15 (*Лет. 1951. С. 472*).

«Зачем ты послан был и кто тебя послал?..», черновик (л. 7–6 об.): конец мая — первая половина июня (II, 1136); конец мая — начало (до 5-го) июня (М. А. Цявловский).⁶

Черновой набросок «О да простит <   > мне / Моей Отчизны —» (л. 7) к стихотворению «Презрев и голос <?> укоризны...»: май — первая половина июня (II, 1147).⁷

Запись по памяти стихотворения В. А. Жуковского «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии Его Императорского Величества» (л. 8): начало июня (*Рукою П. 1935. С. 493*; датировка М. А. Цявловского); июнь 1 ... 5 (*Лет. 1951. С. 474*).

---

⁵ Верхняя граница определена дневниковой записью у начала первой строфы с указанием числа и месяца (ПД 834, л. 48 об.; *Рукою П. 1935. С. 439*).

⁶ Эта датировка, самим М. А. Цявловским не названная, выводится на основании установленной им последовательности написания стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал?..» и записи стихотворения В. А. Жуковского: «Стихотворение Жуковского припомнилось Пушкину в связи с *только что написанными собственными* стихами о Наполеоне. На предыдущем листе тетради (л. 7₁) имеется черновой текст стихотворения „Зачем ты послан был“» (*Лет. 1951. С. 494*; курсив мой. — В. Р.).

⁷ Не поддается установлению основание, на котором Н. В. Измайлов принял в данном случае верхней границей не конец мая, а весь месяц.

«Кораблю» («Морей [красавец] окриленный...») (л. 7 об.): предположительно 14 июня (II, 1137; *Лет. 1951*. С. 480).⁸

Продолжив после второго письма к А. И. Казначееву работу в тетради на следующих за ним листах (9 об. и далее), Пушкин вернулся на разбираемые, по наблюдению Н. В. Измайлова, лишь однажды, набросав в сентябре 1824 г. на л. 2 об. несколько черновых строк «Разговора книгопродавца с поэтом» (II, 836–837, 1140).

Закрепленные авторитетом видных пушкинистов-текстологов своего времени, эти датировки держались незыблемыми до начала 1980-х гг., когда их подверг основательной ревизии С. А. Фомичев, которого к их пересмотру привел новый поворот взгляда на процесс заполнения тетради. Согласившись с предшественниками касательно последовательного «в основном», страница за страницей, движения работы в ней, ученый придал большее, чем они, значение «нередким», по его заключению, отступлениям от этого порядка, найдя «особо сложными для анализа в этом отношении начало и конец тетради» (*ПИМ XI*, 30).

Считая «трудным» «допустить, что новую рабочую тетрадь Пушкин завел для черновика письма» (Там же), С. А. Фомичев предположил, что первая в ней запись была сделана на л. 3 и что ею стали перебеленные из тетради ПД 834, но уже в низу страницы перешедшие в черновик стихи поэмы «Цыганы», а первые два листа были оставлены для ее начала, уже имевшегося в черновике в той же ПД 834. Находящиеся на л. 3 об., сбоку от стихов для «Цыган», подсчеты исследователь вполне правдоподобно интерпретировал как «денежные записи», связав их гипотетически, не имея для того никаких фактических подтверждений, с получением 8 марта 1824 г. от П. А. Вяземского части гонорара за «Бахчисарайский фонтан»,⁹ из которой поэт якобы намеревался оплатить первоочередные долги (Там же. С. 30–31). Из этого следовал вывод, сформулированный на одной и той же странице дважды, причем с существенным различием: «Стало быть, работа над „Цыганами“ — в новой тетради — возобновилась *вскоре после 8 мар-*

⁸ Основанием датировки служило общепринятое предположение, согласно которому стихотворение было написано по случаю отъезда графини Е. К. Воронцовой 14 июня 1824 г. из Одессы в Гурзуф для празднования новоселья в заново отделанном для М. С. Воронцова доме. См.: *Соколов Д. Н.* По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красоты» // Пушкин и его современники: Материалы и исслед. СПб., 1913. Вып. 17/18. С. 27; *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 755 (примеч. Т. Г. Цявловской); *Цявловская Т. Г.* «Храни меня, мой талисман...» // Прометей: Ист.-биограф. альм. М., 1975. Вып. 10. 2-е изд., испр. С. 26.

⁹ См. письмо к П. А. Вяземскому от этого числа (XIII, 88–89).

та 1824 г.» и «работа в начале тетради ПД № 835 велась с первых чисел марта (около 8-го) 1824 г.» (Там же. С. 31; курсив мой. — В. Р.). Вторая формулировка допускает, вопреки первой (числа после 8-го вряд ли можно назвать первыми в месяце), вероятность того, что тетрадь была начата ранее 8 марта; и действительно в другой своей работе С. А. Фомичев назвал точную дату: 6 марта 1824 г.,¹⁰ никак, однако, ее не обосновав (по-видимому, она была выведена «на глазок», отталкиваясь от того, что первая строка перебеленных стихов должна была появиться несколько ранее подсчетов, записанных после получения денег).

Сдвиг верхней границы с 22 мая на первые числа марта был подкреплен переносом на этот же месяц и нижней, для чего основанием стало новопредложенное объяснение причины, по которой на л. 8 оказались стихи Жуковского: 28 марта 1824 г. исполнялось десять лет со дня первого отречения Наполеона; Пушкин, находившийся в предшествующие дни в дороге, имея «достаточно времени для размышлений (...) вероятно, именно тогда вспомнил» о грядущей годовщине и, вернувшись в Одессу предположительно как раз 28 марта, записал посвященное этому событию стихотворение (*ПИМ XI*. С. 31).¹¹

В определенных таким образом гипотетически временных рамках, которые были приняты и в последовавших новых (переработанных) изданиях «Летописи», оказалось большинство записей на л. 3–8:

«Цыганы», второй черновик стихов 43–62 и черновик стихов 63–75 (л. 3–3 об.): вскоре после 8 марта (или начиная с 6 марта) — нижняя граница не указана (*ПИМ XI*, 31, 45; см. также сноску 10); март 8 (?) ... 31 (?) (*Лет. 1991*. С. 398, 672; *Лет. 1999*. С. 377, 510).

«Приют любви, он вечно полн...», черновик (л. 3, 6): 12 ... 28 марта (*ПИМ XI*, 53; *Лет. 1991*. С. 399, 672; *Лет. 1999*. 378, 510).

Письмо Татьяны, черновик (л. 4 об.—7): 12 ... 28 марта и ближайšie дни (*ПИМ XI*, 37–38); март 12 ... 28 (*Лет. 1991*. С. 399; *Лет. 1999*. С. 378). Поскольку до 12 марта работа над третьей главой велась в тетради ПД 834, где дошла, как точно устанавливается, до VI строфы,¹² а по расчетам С. А. Фомичева, нуждающимся, однако, в проверке, —

¹⁰ Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 111.

¹¹ Прежнее объяснение М. А. Цявловского приведено в сноске 6.

¹² Написана на последней дошедшей до нашего времени странице тетради (л. 51 об.), которой предшествует письмо к П. А. Вяземскому от 8 марта (л. 50 об.—51).

до XVI строфы,¹³ потребовались изощренные догадки для объяснения того, как совершился в тетради ПД 835 творческий перескок к письму Татьяны, минуя строфы VII—XXX (или XVII—XXX):¹⁴ «...все становится на свое место, если предположить, что в Кишинев Пушкин взял с собой тетрадь ПД № 835, намереваясь, вероятно, работать над „Цыганами“ (...). Однако здесь неожиданно возник замысел письма Татьяны. В свою очередь данное предположение объясняет сравнительную бедность творческих записей в тетради ПД № 835, относящихся к одесскому периоду, а главное то, что, окончив в марте 1824 г. письмо Татьяны, Пушкин вплоть до сентября не продолжил третью главу

¹³ См.: *ПИМ XI*, 36, 38. Проверка рассуждений С. А. Фомичева в этой части выходит за цели данной статьи. Тем не менее отметим спорность утверждения, что после записи VI строфы на л. 51 об. в тетради ПД 834 оставалось место, недостаточное для 20 строф (*ПИМ XI*, 36). Если, согласно С. А. Фомичеву, из предыдущей части тетради были вырваны «после л. 1 (не менее 18), 3, 7, 10, 15, 38)», то есть не менее 23 листов (*ПИМ XI*, 36; цифра «не менее 18» была названа первым исследователем тетради, см.: *Якушкин В. Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // *Русская старина*. 1884. Т. 42, июнь. С. 551), то после л. 51 оставалось несколько менее $94 - 51 - 23 = 20$ л. = 40 с. Согласно подсчетам Я. Л. Левкович (*Пушкин А. С.* Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 99; *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834: (История заполнения) // *Пушкин: Исслед. и материалы*. СПб., 1995. Т. 15. С. 203), чистых страниц оставалось еще меньше: $94 - 51 - 29 = 14$ л. = 28 с. Однако даже этого минимального числа было достаточно для 20 строф, включая и посторонние для «Евгения Онегина» записи. Так, 20 строф первой главы (I—XVII, XX—XXII), с одним посторонним наброском («[Скажи] — не я ль тебя заметил...») и с рисунками, заняли в этой же тетради 13 страниц (л. 4 об.—10 об.); следующие 20 строф (XXIII—XXXII, XXXIV—XXXVIII, XLII—XLVI), с рисунками и посторонними текстами на двух страницах («Простишь ли мне ревнивые мечты...») и письмо к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г., — 15 страниц (л. 11—18); еще 14 строф (XLVII—LX), также с рисунками, письмом к (предположительно) А. Н. Раевскому от 15—22 октября 1823 г. и эпиграммой «Жалоба», — 9 страниц (л. 18 об.—22 об.). Во второй главе, где число инородных вкраплений увеличилось, строфы I—XX, с рисунками, письмами к Ф. Ф. Вигелю от 22 октября — 1 ноября и П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г., стихотворениями «Свободы сеятель пустынный...», «Придет ужасный час — твои небесны очи...», «Надеждой сладостной младенчески дыша...»), заняли 21 страницу (л. 23—33 об.), остальные 17 (XXI—XXV, XXVII, XXIX—XXXII, XXXIV—XL), с рисунками, письмами к Майгин и неизвестной от ноября (после 4), А. И. Тургеневу от 1 декабря, неизвестному лицу, П. А. Вяземскому между 1 и 8 декабря 1823 г., стихотворениями «Желание славы», «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», — 19 страниц (л. 34—43). Шесть строф третьей главы и письмо к П. А. Вяземскому поместились на 7 страницах (л. 48 об.—51 об.). С. А. Фомичев обошел молчанием вопрос, где писались 10 строф, если в тетради ПД 834 они не поместились; Я. Л. Левкович ограничилась замечанием о том, что строфа VI — «последняя запись в тетради» и что «работа над романом в стихах продолжалась уже в тетради № 835» (*Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834. С. 234), где из искомых строф VII—XXVIII присутствуют, однако, только VII (л. 29) и X (л. 19 об.).

¹⁴ Письмо Татьяны следует за строфой XXXI, написанной перед ним на том же л. 4 об., где находится его начало.

(в Одессе был только начат набросок XXXII строфы, оконченный тем не менее уже в Михайловском). Если же письмо Татьяны было написано раньше, чем начало третьей главы,¹⁵ то вполне естественным было желание Пушкина задним числом дописать предшествующие письму строфы» (*ПИМ XI*, 38). В Михайловском, по выкладкам С. А. Фомичева, были «дописаны» (то есть сочинены) строфы XVII—XXVIII (включительно) (Там же. С. 36), а строфы XXIX, XXX, XXXII (л. 2—2 об., 3 об., 4, 7 об.) он датировал промежутком после 22 мая и, «по всей вероятности», до второго письма к А. И. Казначееву (Там же. С. 39), не заметив расхождения с цитированным выше собственным заявлением о том, что после марта Пушкин вернулся к третьей главе только в сентябре. В итоге процесс работы над этой главой получился таким причудливо-дискретным, даже алогичным, и столь отличным в этом отношении от других глав, что редактор второго и третьего изданий «Летописи», Я. Л. Левкович, согласившись с переносом датировки письма Татьяны (см. выше), не приняла других хронологических перестановок строф и сохранила старое указание: «Февраль 8 ... май 31. I—XXXI строфы третьей главы *Евгения Онегина* (кроме XXV строфы)» (*Лет. 1991*. С. 393; *Лет. 1999*. С. 372¹⁶).

«Зачем ты послан был и кто тебя послал?..», черновик (л. 7 об.—6): 28 марта и ближайшие дни (*ПИМ XI*, 38, 53); март 28 ... 31 (*Лет. 1991*. С. 405, 672; *Лет. 1999*. С. 384, 511).

Черновой набросок к стихотворению «Презрев и голос (?) укоризны...» (л. 7): конец марта (*ПИМ XI*, 57);¹⁷ март 28 ... 31 (*Лет. 1991*. С. 405, 675; *Лет. 1999*. С. 384, 514).

Запись стихотворения В. А. Жуковского (л. 8): 28 марта (*ПИМ XI*, 31; *Лет. 1991*. С. 404, 672; *Лет. 1999*. С. 382, 510—511); март (возможно, 28-го) (*Рукою П. 1997*. С. 465; как уточнение в сноске к датировке в *Лет. 1951*).

Прежние датировки на л. 1—8 С. А. Фомичев признал действительными только применительно к наброску «Кто ты < > не смей <?>...» (л. 1) (не раньше 22 мая — *ПИМ XI*, 64; май 22 (?) — *Лет. 1991*. С. 420; *Лет. 1999*. С. 400) и стихотворению «Кораблю» (л. 7 об.) (14 июня — *ПИМ XI*, 31; июнь 14 (?) — *Лет. 1991*. С. 427; *Лет. 1999*. С. 407). Запись начальных стихов эпиграммы «<На Воронцова»» («Сказали раз царю, что нако-

¹⁵ Отметим нечеткое выражение мысли: если до письма Татьяны были написаны, как предполагает С. А. Фомичев, строфы I—XVI, то что считать «началом главы»?

¹⁶ Здесь уточнено, что последней была строфа XXXII.

¹⁷ Здесь предложено правдоподобное чтение «пени» вместо «голос (?)».

нец...»; л. 2 об.) была им передвинута на конец января — начало февраля 1825 г. (*ЛИМ XI*, 61), с чем не согласилась Я. Л. Левкович, сохранившая (со сдвигом на три дня) датировку, установленную М. А. Цявловским: май 28 (?) ... 31 (?) (*Лем. 1991. С. 422; Лем. 1999. С. 401*).

Аргументы, приведенные в обоснование новых датировок, суть все лишь предположения, из которых ни одно не подтверждается твердыми фактами или свидетельствами. Любое интерпретируемое в их поддержку наблюдение над записями в тетради допускает иное, в том числе прямо противоположное, но не менее правдоподобное объяснение. Рассуждения грешат нечеткими формулировками и логическими ошибками.

Неоспоримо исходное утверждение, что вряд ли «новую рабочую тетрадь Пушкин завел для черновика письма» (*ЛИМ XI*, 30), но его убедительность создается недостаточно определенным, расплывчатым понятием «завел», и если употребить вместо него точное (вряд ли новую рабочую тетрадь Пушкин начал черновиком письма), то высказанное суждение теряет это свойство и становится очевидным, что из него никоим образом с определенностью не следует, будто она предназначалась для перебеления «Цыган», для которых было написано еще только 62 стиха и далее неизбежно последовал бы черновик. Содержание тетради позволяет допустить с большей даже степенью вероятности, что заведена (здесь это слово уместно) она была именно для черновиков, а в этом случае первой записью в ней вполне могло быть письмо к А. И. Казначееву от 22 мая.

Если, тем не менее, согласиться с предположением относительно первоначального назначения тетради для «Цыган» и резервирования двух первых листов для отложенного перебеления уже написанных в черновике стихов этой новой поэмы, то возникает ряд вопросов и сомнений, которые не находят убедительных ответов или объяснений. Зачем, например, для подлежащих перебелению 42 стихов вступления оставляется заведомо избыточное место? В беловике поэмы, находящемся в тетради ПД 836 (Третья масонская, одинакового формата с ПД 835), оно заняло лишь полторы страницы, а 20 стихов, перебеленных в ПД 835 на л. 3 (с которых, согласно гипотезе С. А. Фомичева, началось ее заполнение), — менее страницы, где могли бы расположиться еще по меньшей мере 5–7 строк. Возникает естественное предположение, не предусматривал ли Пушкин, что при перебелении вступление расширится, перейдя неизбежно в черновик, для которого рассчитать место заранее можно лишь приблизительно и лучше с превышением. Такой ход рассуждения ведет к тому же за-

ключению, которое было сформулировано в предыдущем абзаце: Пушкин заводил тетрадь ПД 835 для черновиков. Не имеет объяснения в рамках гипотезы С. А. Фомичева и то обстоятельство, что стих, которым якобы была открыта новая, чистая тетрадь, Пушкин написал со значительно бóльшим, по сравнению с привычным для него, спуском от верхнего края страницы (увеличенное пространство могло бы вместить 5 строк). Заглавие находится здесь не могло, а содержание стихов («Веду я гостя — за курганом / Его в пустыне я нашла») исключает вероятность обозначения в этом месте начала нового раздела поэмы. Недоумение вызывает и дальнейшее использование оставленного пробела: еще во время поездки (12 ... 28 марта), согласно датировке С. А. Фомичева, Пушкин его заполняет первым черновым наброском «Приют любви, он вечно полн...», то есть, едва приступив к продолжению «Цыган», он вклинивает в их текст посторонние стихи, обесмысливая таким образом намеченное якобы перебеление начала поэмы. Значит ли это, что поэт на данном этапе от него отказался, и почему в таком случае он до 22 мая сохранял л. 1–2 чистыми, не сделано даже попытки объяснить (да и вряд ли найдутся для этого какие-либо доказательные аргументы).

Таким образом, исходное предположение, которым начинается хитроумно сплетенная цепь измененных датировок, обнаруживает немало слабых точек, а потому и все дальнейшие в ней связи не могут быть прочными и надежными. Несостоятельным оказывается следующее же звено, в котором денежные выкладки на л. 3 об. соотносятся по времени с приходом от П. А. Вяземского первой части гонорара за «Бахчисарайский фонтан». Мысль исследователя совершает в этом случае порочный круг: Пушкин получает в начале марта большую (нигде не названную) сумму денег; следовательно, именно ее (что не имеет никакого подтверждения) он расписывает на первоочередные долги, оперируя цифрой 1000; из чего выводится, что присланная сумма составляла 1000 рублей. Никакие заключения, в основе которых заложена подобная ошибка, не могут, по законам логики, быть достоверными, что и происходит на самом деле. Вполне, конечно, «естественно предположить, что подсчет долгов (...) предпринят Пушкиным в связи с получением какой-то значительной суммы денег» (*ПИМ XI*, 30–31); но рассчитываться с кредиторами он собирался не из первой, а из оставшейся части гонорара,¹⁸ которую Вяземский

---

¹⁸ «Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Расти им незачем. А у меня им не залежаться, хоть я, право, не мот. Уплачу старые

должен был прислать позднее и которая составляла, как явствует из его письма к жене от 11 июля, 1380 рублей.¹⁹ Из первой части Пушкин вернул 360 руб., что точно известно из его письма, датируемого около 8 марта, к (предположительно) И. Н. Инзову (XIII, 90) или, как было выведено из датировки подсчетов мартом 1824 г., М. Ф. Орлову.²⁰ Однако в подсчете эта цифра отсутствует, что ставит под сомнение предложенную его интерпретацию, а с нею и датировку, и для устранения этой явной «неувязки» на прежние предположения нагромождается еще одно: Пушкин занял у генерала, которому адресовано письмо, десять червонцев, что обозначено зачеркнутой цифрой 100; в столбце крупных долгов он перевел их в ассигнации по приблизительному курсу, записав «300 О.» (то есть 300 рублей Орлову); отправляя долг, он уточнил курс и в письме написал точную его величину.²¹ Эти вычурные объяснения таят в себе оставшиеся незамеченными скрытые несообразности: запись одного и того же долга в одном и том же подсчете в разных единицах (взятые у генерала якобы золотые червонцы — других в обращении не было — обозначаются отдельно написанной цифрой 100, то есть серебряными рублями, которые в столбце показаны в ассигнациях); игнорирование разницы курса золотого червонца (около 40 руб.) и серебряного рубля (3 руб. 60 коп.); перевод серебряных рублей в ассигнации с погрешностью в 20 % (!), при том что курс был стабильным и его колебания незна-

---

долги и засяду за новую поэму», — писал Вяземскому Пушкин 8 марта (XIII, 89).

¹⁹ «Отдай же Пушкину, что ему следует, то есть 1380 рублей; кажется — так. В письмах моих к нему должен быть расчет мой с ним» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1909. Т. V, вып. I. С. 13. С ошибкой в дате: 11 июня). Ошибка исправлена в *Лет. 1991* (с. 436); но в *Лет. 1999* эта цитата значится дважды: и под ошибочной датой (с. 405), и под правильной (с. 417). На руки Пушкин получил от В. Ф. Вяземской, как она сообщила мужу в письме от 27 июля, 1260 руб., за вычетом комиссионных, которые он все принял на себя (см.: Остафьевский архив... Т. V, вып. II. С. 136).

²⁰ *Левичева Т. И.* Об адресате одного из писем Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1991. Вып. 24. С. 175. Сомнительность опорной датировки лишает заметку доказательной силы.

²¹ *Рукою П.* 1997. С. 313–314 (отметим неточное заглавие этих подсчетов в оглавлении (с. 731): «Подсчет *общей* суммы гонорара, полученной за поэму „Бахчисарайский фонтан“, и суммы долгов»; курсив мой. — *В. Р.*); *Фомичев С. А.* Подсчет одесских долгов // *Дубровский А. В.* и др. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина. СПб., 1997. С. 33. (Неизданный Пушкин; Вып. 2) (здесь допущена вопиющая небрежность: сначала говорится, что «у генерала Пушкин, вероятно, одолжил десять червонцев — это и помечено для памяти как „100“», а двумя строками ниже следует откровенная нелепость, согласно которой «к моменту же пересылки долга было уточнено, что 100 червонцев <sic! — *В. Р.*> эквивалентны несколько большей сумме: 360 рублям <sic! — *В. Р.*> ассигнациями»).

чительными;²² запись мелких долгов в 1–2 руб. и при этом недоучет в цифровых выкладках 60 руб., причитающихся лицу «О» по курсу серебряного рубля, и 40 руб. при возвращении долга генералу (если было взято 10 червонцев, то вернуть ассигнациями следовало 400 руб.). Все это, вытекающее из соотнесения записей «[100]» и «300 О.» с посланными генералу 360 руб., сводит разбираемое предположение к абсурду, лишая тем самым датировку подсчетов долгов мартом 1824 г. важной ее опоры. Окончательно же опровергает ее легко устанавливаемая величина первой части гонорара, полученной Пушкиным в марте. Она составляла отнюдь не 1000 руб., а $3000 - 1380 = 1620$ руб. (никаких расходов на издание Вяземский из гонорара не вычитал²³), и, следовательно, подсчеты на л. 3 об. к ней отношения не имеют, что полностью разрушает главную их гипотетическую привязку к марту. Ожидаемы, конечно, возражения, корректирующие первоначальную гипотезу (например, что расписывалась не вся полученная от Вяземского сумма, а только часть, выделенная из нее на долги или оставшаяся после произведенных необходимых расходов), но все они будут представлять собою ничем не подтверждаемые догадки, которые будут нагромождаться одна на другую, образуя шаткую, готовую развалиться при первом же здравом суждении конструкцию.

Итак, с полной уверенностью можно возвратить традиционную точку зрения, согласно которой тетрадь ПД 835 была начата 22 мая 1824 г. черновиком письма к А. И. Казначееву, восстановить прежние датировки текстов, расположенных на л. 2 об.—8 (что не исключает их уточнение в пределах дней), и отвести все заявленные в этой части новации: не брал Пушкин с собою в Кишинев эту тетрадь; над письмом Татьяны работа велась в конце мая, когда до него, по всей видимости, дошло повествование в третьей главе (то есть были написаны строфы VII–XXIV, XXVI–XXVIII); стихотворение Жуковского было записано безотносительно годовщины отречения Наполеона, через три месяца после нее; и др.

---

²² О денежном обращении в пушкинское время см.: *Денисенко С. В.* Деньги // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопед. словаря. СПб., 2003. (Т. 1): А–К. С. 195–197.

²³ «Каково продал я „Фонтан“! — похвалялся он в письме к А. А. Бестужеву от 9 марта 1824 г. — За три тысячи рублей 1200 экземпляров за год, и все издержки печатания мне заплачены» (см.: *Якушкин В. Е.* К литературной и общественной истории 1820–1830 гг. // Русская старина. 1888. Т. 60, нояб. С. 331).